

ИЗ КАЗАНИ С ЛЮБОВЬЮ

(Эдуард Учаров, Каменев идёт умирать... – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2022. – 120 с.)

«Как известно, история пишется только стихами...», – утверждает автор книги, начатой с краткого очерка об одном из первых русских романтиков, «певце смерти» Гаврииле Каменеве. В это безоговорочно начинаешь верить с того самого момента, как только юный и беспечный поэт *«окончательно хлопает дверью рабочего кабинета»* и спускается вниз, *«то-мальчишески оседлав перила винтовой лестницы»*. Впереди его ожидает долгожданная прогулка в Сосновой роще и, между прочим, новый стихотворный шедевр.

К чему эти скучные хрестоматийные описания дат жизни и смерти, основных вех творческой биографии? Вот он, перед нами – живой, полный энергии творец, неудержимый в порыве вдохновения, цокающий каблуками по мостовой, под лучами палящего волжского солнца. Он навсегда останется таким, его правда – в поэтических строках, а не в параграфах учебников по истории. Казань прошлого оживает, и с этой призрачной, ставшей мифом платформы начинается путь рассказчика Эдуарда Учарова. Это уже он сам, преодолевая духоту библиотечных стен, которые посетил «китайский вирус», обходя стороной неутешительную статистику по числу заболевших иноземной заразой, громко хлопает дверью кабинета и буквально «выпрыгивает» на одну из казанских станций, с которой электричка уносит его то в далёкое детство, то в мир причудливых грёз, то в недавнее прошлое, проносящееся перед глазами читателя чередой мелькающих станций разных городов и регионов.

Жанровую специфику рассказов Учарова трудно определить однозначно: по его собственным словам, это краткие зарисовки, бессюжетные заметки. Здесь я, пожалуй, не соглашусь. Сюжет учаровских текстов не очевиден, но всё же он есть, он всегда интуитивно угадывается: это история человека-мечтателя и фантазёра, любящего путешествовать и при этом бесконечно влюблённого в родной город, ставшего его бессменным экскурсоводом. А ещё это история поэта, границы личного пространства которого чётко не очерчены – они уходят куда-то за горизонт, за пределы комнаты, города, памяти, реальной географии: *«Иду пешком по комнате, а она не кончается. Переходит в коридор. Коридор переходит в улицу. Улица в просёлочную дорогу. Дорога в Волгу. Волга впадает в Каспийское море»*.

В этом уже угадываются черты духовного травелога – тем более, что автор без труда путешествует не только в пространстве, но и во времени. Для него, как для какого-нибудь древнерусского сказителя, отрезки человеческой жизни весьма условны. То, что когда-то было, может быть и сейчас – стоит только захотеть, совершить небольшое усилие. И тогда что особенного в желании автора «зайти в Оперный театр и позвонить... в 1988 году»? Там ещё жива бабушка, там мама приведёт на детский балет, и папа пока не сделает «ужасный подарок» на 8 марта, уйдя из жизни в праздничный день...

Порой по-хармсовски абсурдный, причудливый мир учаровских рассказов способен утверждать иную логику существования. И в ней гораздо больше здравого смысла, гораздо больше человечности и одухотворённости. Оттого так жалко гору, которая *«пошла к пятёрочке за хлебом»*, но из-за отсутствия местной прописки попала в обезьянник и там умерла в неволе. Довольно прозрачная иносказательность, как ни крути. Но есть в этой книге и «кручение» иного рода – это бесконечная игра со словами, «вспарывание» языковой материи и открытие целой вселенной смысла, а точнее инакомыслия, где слова не боятся быть чем-то другим, где части речи беспрепятственно трансформируются друг в друга, а фразы совершают свободный полёт над изрядно надоевшими законами формальной логики: *«Спать было невозможно. Но спать – ещё было. Оно поерошилось с полчаса и окончательно вымолзло в форточку...»*.

Только в сознании поэта неопределённая форма глагола может взбунтоваться и заявить о себе, как об одушевлённом объекте. Слова, сказанные Учаровым, как птицы со своих жёрдочек, срываются с традиционных смыслов и уходят в необозримые пространства переносных, весьма отдалённых значений. И кажется, что даже сам автор не в силах их удержать. И начинают фразы веселиться, играть, приплясывать, а точнее танцевать бесконечный танец свободы. Вот как, наверное, любопытно было бы начать урок истории, посвящённый Степану Разину: *«Стенька поднял народное восстание, поддержал его и выбросил в Волгу, как персидскую княжну»*.

Автор явно был в ударе, когда писал подобное. Притчи, басни в прозе, социальные сказки-аллегории, даже памфлеты – кажется, Учарову подвластен любой из этих жанров. Чего стоит, например, юмористическая и в то же время тревожная история про обнуление, где герою перед голосованием мерили температуру, но градусник показывал, что он – «абсолютный ноль». А от сказок о поэтах, которые вечно пребывают в поиске идеального стихотворения, строят дома из стихов и кирпичей и заражают своим творческим недумом окружающим, рождается особое чувство – и щемящее, и воздушное одновременно. Трудно, прдираясь сквозь череду законов, запретов, ограничений и предписаний остаться верным самому себе.

Но автору это удаётся. Он вопреки всему остаётся творцом и путешественником, и мальчишески лёгкой поступью идёт по улицам Казани, чтобы в очередной раз открыть для себя особую романтику и неуловимое обаяние родного города. Но, конечно, только Казанью дело не ограничивается. Травелоги в прозе Учарова – предмет отдельного разговора. Это не просто короткие зарисовки увиденного, туристические заметки на полях – это запечатлённый на бумаге опыт личного знакомства с новым городом, краем, регионом. С географическим объектом, который довольно скоро становится близким и понятным, притягательным своей неповторимостью. Все учаровские города и архитектурные памятники имеют собственное лицо, свою изюминку, превращающую даже самое захолустное место в уникальный объект экскурсионной программы. Монумент стерляди в Сарапале, Университетская площадь в Ижевске, огромная голова Ленина в Улан-Удэ, дацан на Лысой горе, мать Чувашии в Чебоксарах – эти официальные и неофициальные визитные карточки городов навсегда остаются в памяти автора. В его художественной биографии, богатой на события и впечатления. Но дело, конечно, не только в исторических достопримечательностях – дело в живой и неумной фантазии автора, силой своего воображения одухотворяющего каждый увиденный объект, превращающего его в героя повествования, способного чувствовать, хранить тайны, говорить с каждым посетителем на особом языке. Учаровское слово – ёмкое, звучное, метафоричное, плещущее каскадом ассоциаций – делает облик провинциальных и столичных городов, улиц, скверов настолько привлекательным для читателя, что впору сорваться с места и отправиться в путь, ещё не дочитав конца фразы. Так, описание Большой Печёрской улицы в Нижнем Новгороде – настоящий шедевр. Оно оглушает звукописью, ослепляет красотой и рождает ощущение полёта, ибо улица крылата: *«Большая Печёрская деревянными узлами вязала взгляды и отёсывала спины зазевавшихся о заносчивые углы срубов. Сползающие на головы балконы и крылатые наличники, стремящиеся взлететь в печёрское небо – тоже собирали наши взоры, сушили их на конфорочном солнце и выкладывали на карниз, дабы насытить жадных синиц и дребезжащих в грязные стёкла воробышков»*.

А каким притягательным, живым, поэтически рассеянным и похожим на своего рассказчика в главе о Байкале становится дождь: *«пошёл дождь и китайцы», «топали вверх по философичному дождедику. Он был рассеян, часто забывал капать. Размышлял. А мы текли себе уже с горки по Чернышевского мимо Булака и других водяных знаков»*.

Города и населяющие их объекты в травелогах Учарова становятся вполне самостоятельными и очень обаятельными персонажами. Каждый вызывает особое чувство. Например, к Питеру у автора отношение как будто слегка сдержанное – уважительное, но какое-то отстранённое. Как будто есть лёгкая досада по поводу того, как здесь всё устроено: неловко, непонятно и немного нерационально: *«Разочаровавшись, мы миновали Главный штаб и прошли Триумфальную арку. По Большой Морской выплыли на Невский и дошли до канала Грибоедова. Повернули на Спас на Крови. Туристов – спау никакого нет»*.

Следует отдать должное неизменно сопровождающим любое экскурсионное описание тонкой игре слова и никогда не изменяющему автору чувству юмора. Лёгкому, почти английскому, вызывающему у нас лёгкую улыбку наблюдателя, внезапно открывшего парадоксальность мира, в котором великое

всегда уживается с обыденным и повседневным, а трагическое – со смешным и даже нелепым. Эта едва заметная и добрая авторская ирония лишает повествование ненужного пафоса, превращая серьёзную историческую прогулку в забавное путешествие, ни к чему не обязывающий «флирт»: *«На Итальянском мосту подбежал Пётр I и попросил сфотографироваться с ним за деньги. Я отказал. Тогда он стрельнул у меня сигаретку. Я достал красную пачку „Кресты“ с колючей проволокой. Подошла рядом стоящая Екатерина II или Елизавета: „О, прикольные сигареты, а вы откуда?“. Я говорю – из Казани. „О, чо, прикольные сигареты в Казани делают!“ – и тоже стрельнула у меня сигаретку».*

Тем прекраснее, что на фоне этого флирта нет-нет, да и промелькнёт ностальгическая нотка признания в любви к городу. Непринуждённо и ненавязчиво автор может сказать о чём-то важном, сокровенном: *«Крыши Питера шепчутся с богами, чего уж там...».*

Есть и ещё одно, очень важное наблюдение, которым хочется поделиться с каждым потенциальным читателем этой книги. Где бы автор ни находился, какими бы местами ни восхищался – он всегда остаётся жителем Казани, его взгляд путешественника регрессивно обращён в сторону дома. Чужие города и страны потому и приятны, что после них неизменно возвращаешься домой.

Учаров – истинный казанец, преданный своему городу, живущий его законами, мерками, особыми ценностями. И эта книга как будто написана из Казани, с любовью – своего рода тёплый и дружеский привет человека, странствующего по миру для того, в том числе, чтобы в очередной раз признаться себе: в мире нет ничего лучше места, где ты родился и вырос – твоей малой и всё-таки очень большой родины: *«В ушах стоял золотой гул. Сердце радовалось. Голова – в чугунных осколках восторга. Кто сегодня слышал обеденный звон с Богоявленской колокольни – это и я вам привет передавал».*